

СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА ¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ я говорилъ съ вами объ основныхъ истинахъ христіанства. Я началъ съ вопросовъ ума и сердца человѣческаго, возникающихъ у всякаго серьезнаго и мыслящаго человѣка, съ противорѣчій міра нравственнаго, съ задачъ нашего всеобщаго существованія, чтобы доказать, насколько все это требуетъ Бога, личнаго, живаго Бога и откровенія Его въ Иисусѣ Христѣ. Только съ этой точки зрѣнія, только религіознымъ міросозерцаніемъ и христіанствомъ разрѣшаются всѣ эти вопросы и противорѣчія, потому что только съ помощью Бога понимаемъ мы міръ и самихъ себя. Такимъ образомъ, все, что насъ окружаетъ, и мы сами становимся фактическими свидѣтелями необходимости и истинности религіознаго вѣрованія. Таковъ былъ ходъ предъидущихъ чтеній.

Но путь, которымъ мы шли тогда, велъ только къ дверямъ святилища. На этотъ разъ я приглашаю васъ войти въ самое святилище для созерцанія его божественныхъ тайнъ. Я не буду больше говорить объ основномъ религіозномъ ученіи, но о самихъ спасительныхъ истинахъ христіанства. Я предполагаю на этотъ разъ вѣру въ тѣ основные законы религіознаго вѣрованія, и могу говорить съ вами какъ вѣрующе-

¹⁾ Изъ алогетическихъ чтеній Лютардта, — о спасительныхъ истинахъ христіанства, — читанныхъ въ 1867 г. въ Лейпцигѣ.

щими въ то, что Господь, котораго мы должны познавать, есть живой, личный Богъ, а назначеніе и призваніе наше—признавать, почитать и любить Его, что Онъ открылся намъ и указалъ наше высшее назначеніе въ религіи и что совершеннѣйшее откровеніе Его—Иисусъ Христосъ. Теперь же я намѣренъ говорить съ вами о спасительныхъ истинахъ христіанства. Задача моя будетъ состоять въ томъ, чтобы изобразить и оправдать ихъ предъ вами.

Путь, которымъ мы пойдемъ, уже и, быть можетъ, единеннѣе прежняго. Многіе изъ тѣхъ, которые сопутствовали намъ прежде, не рѣшатся, можетъ быть, вступить на этотъ путь, а между тѣмъ все то, что я намѣренъ изложить вамъ теперь, есть только слѣдствіе великихъ всеобщихъ истинъ, которыми мы прежде занимались.

Тѣ истины касались со всѣхъ сторонъ всеобщихъ человѣческихъ мыслей и чувствъ; ученіе же, которое я изложу теперь, сосредоточено въ болѣе узкомъ кругу. Вступая въ самое средоточіе христіанскаго вѣрованія, мы не столько изучаемъ связь его со всеобщимъ человѣческимъ познаніемъ, сколько границы послѣдняго.

Я вполнѣ понимаю трудность этой задачи, но надѣюсь, что Господь и на этотъ разъ не лишитъ меня своей помощи и благословенія.

Не знаю, насколько мнѣ удастся выполнить задачу, которую я предпринялъ, но какъ бы рѣчь моя ни оказалась слаба, повѣрьте мнѣ,—и это единственная вещь, въ которой вы можете вѣрить мнѣ на слово,—само дѣло лучше его заступника.

Въ предъидущихъ чтеніяхъ христіанство было цѣлью всего цѣлаго, теперь оно служить точкой исхода. Итакъ я начну съ того, что буду говорить о христіанствѣ, о сущности его. Этимъ вопросомъ мы займемся сегодня.

Что такое христіанство? Это цѣлый міръ идей, которыя продолжаютъ бродить и работать въ умахъ человѣческихъ и до нынѣшняго дня; это рѣзкій поворотъ всего нашего мышленія и созерцанія; это преобразование нашего совокупнаго общественнаго жизненнаго порядка; это возобновленіе нашей внутренней жизни; короче сказать—это цѣлый міръ дѣйствій, которыя мы ежедневно испытываемъ. Всюду, гдѣ бы мы ни ходили и ни стояли, предъ нами возстаетъ этотъ новый міръ христіанства, даже и тамъ, гдѣ мы его не видимъ, гдѣ мы его не признаемъ или отрицаемъ. Но прежде всего христіанство—все-же религія. Оно есть источникъ благодати даже и для тѣхъ, которые борются противъ христіанства или, быть можетъ, осмѣиваютъ его. Но какъ религія, оно—въ связи со всѣми другими религіями, которыя ему предшествуютъ, но не только какъ одна изъ нихъ, а какъ ихъ истина, какъ ихъ цѣль, какъ религія совершеннѣйшая. Христіанство есть просто религія, религія абсолютная, единственно истинная и внутренне сознанная единоправною. Вотъ притязаніе, съ которымъ оно вступило въ міръ и которое оно постоянно заявляетъ. Его могутъ назвать исключительностію или нетерпимостію, но это—нетерпимость самой истины. Если бы истина признала возможность того, что и противоположное ей также истина, она отрицала бы саму себя. Какъ только христіанство перестанетъ объявлять себя религіей единственно истинной, оно уничтожитъ свою силу и будетъ отрицать право своего существованія, потому что будетъ отвергать необходимость себя. Древній міръ заключилъ вопросъ: что такое истина? Новое время началось словомъ Иисуса Христа: Я истина. Это слово есть исповѣданіе христіанской вѣры.

Формы, которыя принимаетъ христіанская религія, могутъ измѣняться; мысли людей, посредствомъ которыхъ вѣра эта стараеся дать себя постигнуть, тоже могутъ измѣняться; но самая

христіанская вѣра должна объявлять себя неизмѣнною истинною, а истину эту—отвѣтомъ на древній вопросъ челоувѣчества, всѣ же остальные религіи до нея—предъидущими ступенями, которыя въ ней нашли цѣль свою. Язычество есть нищущая религія, іудейство надѣющаеся, христіанство есть дѣйствительность того, чего язычество нищетъ и на что іудейство надѣется.

Раземотримъ язычество. Исканіе Бога есть основаніе всякой религіи и истина религіи языческой, потому что это чувство, это влеченіе къ Богу живетъ во всякомъ челоувѣкѣ. Люди не могутъ не искать и не спрашивать о Богѣ. Нельзя указать ни одного мѣста въ исторіи, въ которомъ было бы начало религіи. Люди никогда не были безъ религіи и нигдѣ не бывають безъ религіи. Это отличительный признакъ челоувѣка. Гомеръ любитъ называть людей говорящими или изобрѣтательными. Онъ могъ называть ихъ и религіозными, это было бы совсѣмъ въ его духѣ. Отдѣльныя личности могутъ отрицать всѣ религіи точно такъ же, какъ они отрицають всякое челоувѣческое чувство. Но это исключенія. Челоувѣку такъ же присуще имѣть религію, какъ присуще имѣть любовь. Точно такъ же какъ челоувѣкъ не можетъ обойтись безъ людей, онъ не можетъ обойтись безъ Бога. Есть люди, которые могутъ рѣшиться отказаться отъ всякаго общества челоувѣческаго, но рѣшеніе это противосестественно и, приведя его въ исполненіе, челоувѣкъ будетъ дѣйствовать во вредъ душѣ своей, которая станетъ тосковать объ этомъ. Точно такъ же можно принять рѣшеніе отказаться отъ сообщества съ Богомъ; но рѣшеніе это будетъ противосестественно и во вредъ душѣ своей: она обѣднѣетъ и будетъ томиться безпокойствомъ. И все же никто не въ состояніи привести это въ исполненіе. Какъ челоувѣкъ, нищущій уединенія, приносить въ него весь міръ и всѣхъ людей, точно такъ же и челоувѣкъ, не желающій знать Бога, всюду носитъ въ умѣ своемъ мысль о Богѣ и

вопросъ о Немъ. Мы не можемъ забыть Бога. Это исканіе и вопросъ о Богѣ есть основа религіи и истина религіи языческой.

Во всѣхъ ся различныхъ образахъ, начиная отъ высочайшаго и прекраснѣйшаго до самаго низкаго—въ фетишизмѣ, существуетъ одно и то же религіозное чувство и одна потребность, которыя побуждаютъ человѣка искать Бога и спрашивать о Немъ. Конечно, они не могутъ найти Бога, потому что дурно ищутъ Его. Мысли язычниковъ ищутъ Бога въ разнообразіи мірскомъ, на звѣздахъ небесныхъ и въ силахъ земныхъ, душа же наша предполагаетъ одного Бога. Языческія религіи политеистичны, но религіозная потребность монотеистична. Сердце ихъ ищетъ Бога, но мысли заблуждаются на пути, потому и не находятъ Бога истиннаго.

У языческихъ писателей и мудрецовъ мы находимъ прекрасныя мысли и слова о Божествѣ; но мыслямъ этимъ недостаетъ двухъ вещей: они не знаютъ Творца и не знаютъ святости Божіей.

Творецъ и твореніе, Богъ и міръ стоятъ у нихъ на одной линіи. Божество у нихъ—или высочайшій продуктъ великаго процесса, вълѣдствіе котораго образовался міръ и люди, или же міръ есть произведеніе божественной сущности, происходящее отъ Бога, подобно мыслямъ, произвольно парящимъ въ умѣ нашемъ, или снамъ почнымъ. Первое есть образъ мыслей греческаго, а послѣднее—индійскаго ума.

Но еще менѣе чѣмъ Творца знаютъ они Святаго Бога. По образу грубнншаго человѣка, они и боговъ своихъ представляютъ со всѣми слабостями и страстями человѣческими. Но гдѣ недостаетъ идеи божественной святости, тамъ нѣтъ и высочайшаго мѣрила нравственнаго сужденія, и мѣсто его занимаетъ нравственная поверхностность. Все языческое богослуженіе свидѣтельствуетъ объ этомъ; ибо только нравствен-

ная поверхностность может вѣрить въ исправленіе грѣха и примиреніе съ Богомъ посредствомъ собственной жертвы и дѣлъ. Есть нѣчто привлекательное въ томъ, когда греческая женщина воздастъ почести богинѣ цвѣтами и плодами; можно было бы представить себѣ подобное богопочитаніе, еслибъ не было грѣха. Языческія религіи могутъ назваться религіями прекраснаго, но имъ недостаетъ нравственной истины и строгости. Языческое богослуженіе имѣетъ не только свою веселую, но и свою мрачную сторону. Въ отдаленныя времена, во времена римскихъ императоровъ приносились человѣческія жертвы. Мы отворачиваемся съ ужасомъ отъ подобнаго культа. Но все-же и въ его основаніи есть истинное чувство,—то чувство, что за грѣхъ жизнь заслуживаетъ смерти и только жизнью можетъ примириться. Это ужасное искаженіе истины не что иное, какъ вопль сердца, ищущій Бога примиренія. Язычество есть религія ищущая, но оно ищетъ и не находитъ надежды въ Богѣ.

Религія ветхаго завіта есть религія надежды. Ветхій завітъ имѣетъ прежде всего одно преимущество предъ язычествомъ, это—вѣру въ Бога Творца. Весь ветхій завітъ проникнутъ духомъ божественнаго величія, предъ которымъ все твореніе не что иное, какъ прахъ и пепелъ; высоко надъ нимъ парить Всевышній, всѣ небеса небесъ не могутъ Его постигнуть; небо служить Ему престоломъ, а земля подножіемъ, Онъ речетъ и совершается, Онъ повелитъ и все стоитъ предъ Нимъ. Второе преимущество Израиля предъ языческимъ міромъ есть сознаніе божественной святости. Нигдѣ нѣтъ такого строгаго неповѣданія въ грѣхахъ, какъ здѣсь; ни у одного народа не слышимъ мы такихъ трогательныхъ голосовъ, какъ въ покаянныхъ псалмахъ Израиля; нигдѣ нѣтъ подобнаго сознанія непроходимой пропасти, которая отдѣляетъ грѣшнаго человѣка отъ Бога Святаго. Человѣкъ не можетъ перешагнуть

ее, а только милосердіе Божіе. И израильтянинъ приносилъ жертвы и принималъ очищенія, но онъ хорошо зналъ, что они не могутъ очистить совѣсть, что это только символы, изображенія внутренняго благочестія, прообразы будущаго. На эту будущность обращенъ былъ взоръ израильтянина; полный надежды, Израиль жилъ этой будущностью. Отъ нея надѣялся онъ исполненія всѣхъ божественныхъ обѣтовъ, утоленія жажды душевной. Но надежда надеждъ его состояла въ томъ, что Богъ заключить новый союзъ съ своимъ народомъ, союзъ сердечный, основанный на прощеніи и примиреніи. Въ этомъ состояло великое предсказаніе Іереміи (31, 31—34).

Израиль былъ народъ надежды, и религія его—религія надежды. На что надѣялся Израиль, то сдѣлалось фактомъ въ Иисусѣ Христѣ. Въ этомъ состоитъ сущность христіанства. Сущность его заключается не въ одной идеѣ, не въ мысляхъ только, но въ фактѣ.

За 30—40 лѣтъ тому назадъ думали, что нашли ключъ къ познанію сущности христіанства, поясняя его высочайшей идеей разума.

Это было время просвѣщенія и раціонализма. Оно свело всю сущность христіанской религіи на убогую исторію мудраго и благодѣтельнаго Иисуса назаретскаго и на нѣсколько элементарныхъ истинъ о Богѣ, добродѣтели и безсмертіи. Когда въ философахъ нашего столѣтія проснулся болѣе глубокій духъ спекулятивной философіи, онъ призналъ это самымъ неудовлетворительнымъ пониманіемъ христіанской истины. Здѣсь, по его поясненію, скорѣе въ популярной формѣ образной рѣчи изложены самыя глубокія идеи, занимающія всякаго мыслящаго человѣка; но мысль всѣхъ мыслей, составляющая тайну христіанства, есть единство Бога и человѣка: Богъ есть истина человѣка, а человѣкъ осуществленіе Бога. Хотя

для поверхностнаго взгляда оба они различны, но для болѣе глубокаго наблюденія составляютъ одно. Человѣкъ не есть только существо конечное, какимъ онъ кажется нашимъ вѣшнимъ чувствамъ; онъ скорѣе явленіе безконечнаго. Думая о Богѣ, человѣкъ думаетъ о своей собственной высочайшей истинѣ, и такимъ образомъ онъ соединяется въ единство съ Богомъ. Въ этомъ состоитъ высочайшая идея разума и таково значеніе христіанскаго ученія о Богочеловѣкѣ. Такъ учили тогда въ философскихъ школахъ Шеллинга и Гегеля.

Наконецъ признали, что это положительное непониманіе собственнаго смысла христіанскаго ученія, и вообще оставили этотъ вѣкъ философій. Люди пришли къ тому сознанію, что философія—не религія и не можетъ замѣнить религіи. Но чѣмъ замѣнили эти философскія идеи такъ называемый новый протестантизмъ, выставляющій себя необходимымъ прогрессомъ религіознаго духа, чѣмъ замѣнилъ онъ то, такъ-называемое либеральное, или свободное направленіе богословія, которое поставило себѣ задачею примирять христіанство съ убѣжденіями вѣка? что предлагаетъ онъ вмѣсто тѣхъ философскихъ идей?—Идею нравственно-религіознаго совершенства. Въ этомъ состоитъ, какъ говорятъ теперь, сущность христіанства, а придерживаться историческихъ фактовъ, которые для нашего разума не имѣютъ значенія, есть еврейская точка зрѣнія. Истина состоитъ только въ идеѣ.

Итакъ христіанство имѣетъ идеи. Оно богаче идеями, чѣмъ вся древняя философія, а мысли христіанина глубже мыслей Платона и Аристотеля. Но не въ этомъ сущность христіанства, а въ самомъ фактѣ, въ фактѣ примиренія, потому что грѣхъ есть могущественнѣйшій фактъ на землѣ, а фактъ можетъ быть устраненъ только фактомъ, а не идеей. Христіанство же есть устраненіе грѣха, божественный отвѣтъ на человѣческій грѣхъ; такимъ образомъ оно есть фактъ,

фактъ примиренія, потому что фактъ только, а не идея даетъ намъ спокойствіе совѣсти, котораго мы ищемъ.

Вся наша духовная жизнь основана на фактахъ, все подвластно реальному могуществу исторіи. Почему бы и религіи не подлежать тому же закону? Всѣ религіи основываются на фактахъ, исключая такъ называемой естественной религіи. Но вѣдь эта послѣдняя существуетъ только въ книгахъ, а не въ дѣйствительности.

Фактъ же, составляющій сущность христіанской вѣры, есть Иисусъ Христосъ. Лице Его обозначаетъ сущность христіанства. Потому что Иисусъ Христосъ относится къ христіанству не такъ, какъ Магометъ къ магометанству. Онъ имѣетъ не только историческое, но и религіозное значеніе для вѣры, которая носитъ Его имя. Онъ не только ея основатель, но и ея предметъ, Онъ составляетъ одно съ нею, Онъ въ сущности самъ христіанство и на всѣ времена, Онъ связалъ его съ своимъ лицомъ. Невозможно забыть о Немъ, помня Его дѣло. Между тѣмъ обыкновенно бываетъ такъ, что съ теченіемъ времени дѣло отдѣляется отъ своего дѣателя. Хотя благодарность сохраняетъ память о тѣхъ, которые сдѣлались благодѣтелями рода человѣческаго, но мы можемъ наслаждаться ихъ добродѣтелями, забывая ихъ самихъ. Христосъ же не можетъ быть забытъ. Онъ сдѣлалъ самого Себя средоточіемъ своей религіи, и во всѣ времена христіане смотрѣли на Него съ этой точки зрѣнія. Вся исторія церкви доказываетъ это. Всѣ ученые споры различныхъ вѣковъ относятся въ сущности къ лицу Иисуса Христа. Все богослуженіе есть боготвореніе Его; въ церковныхъ пѣсняхъ воспѣваютъ Иисуса Христа. Христіанское искусство торжествуетъ, если оно можетъ все лучшее и прекраснѣйшее, чѣмъ оно обладаетъ и что можетъ представить, повергнуть къ стопамъ Его. И если борьба нашего времени относится къ религіоз-

ному значенію Ісуса Христа, то этимъ именно она свидѣтельствуєтъ, что Онъ есть средоточіе христіанской религіи. Онъ не разрывно соединилъ се съ своимъ лицомъ.

Христіанство не есть только идея, но фактъ; фактъ этотъ называется Ісусъ Христосъ. Итакъ въ чемъ же заключается сущность христіанства?

Для насъ сущность христіанства—спасеніе грѣшниковъ въ Ісусѣ Христѣ, въ Котораго мы твердо вѣруемъ. Но эта сущность его есть печать его истины, потому что этимъ именно оно настолько же унижаетъ человѣка проповѣдью о его грѣхѣхъ и печестіи, насколько возвышаетъ его провозглашеніемъ божественнаго милосердія, которое его спасаетъ. Ни одна религія такъ глубоко не смиряетъ человѣка и ни одна не умѣетъ такъ утѣшить его, какъ христіанство. Во всѣхъ остальныхъ существуютъ только части этихъ истинъ. Людей дѣлаютъ или богами или животными. Евангеліе—истина. Оно истина, потому что проповѣдуетъ объ Ісусѣ Христѣ, потому что показываетъ намъ величіе нашего грѣха величіемъ средства, которое было нужно для исправленія его; оно показываетъ намъ, насколько мы нуждаемся въ спасеніи, но виѣстъ съ тѣмъ и то, что намъ его предлагаетъ милосердіе Божіе.

Итакъ христіанство, съ одной стороны, есть спасеніе грѣшниковъ въ Ісусѣ Христѣ, съ другой—вѣра, которая даетъ намъ увѣренность въ этомъ; потому что вѣра требуетъ увѣренности. Богословіе можетъ иногда заниматься сомнительными мнѣніями и взглядами, религиозное же вѣрованіе требуетъ увѣренности. Въ этомъ его сущность.

На чемъ она основывается?

Можно сказать на авторитетѣ церкви. Это отвѣтъ римской церкви. Она говоритъ такъ: чему учить церковь, то истина; церковь безгрѣшна, потому что она обладаетъ духомъ истины; она вдохновлена. Но еслижъ она не безгрѣшна? Если

она не безошибочна? Если она заблуждалась? Если исторія подвергнетъ критикѣ эти увѣренія,—что будетъ слѣдствіемъ этого?—Тогда и вѣра упадетъ вмѣстѣ съ безошибочностью церкви, потому что она основывается на авторитетѣ ея и въ сущности есть вѣра въ церковь. Итакъ это не можетъ быть главнымъ основаніемъ вѣры. Мы должны сдѣлать шагъ за церковь. За нею—священное Писаніе. Можесть-ли наша вѣра основываться на немъ? Конечно, мы вѣруемъ и убѣждены въ томъ, что въ свящ. Писаніи говоритъ Слово Божіе, что оно научаетъ насъ найти путь къ царствію небесному, что оно правильный вожатый къ спасенію. И все же—можесть-ли оно быть главнымъ основаніемъ нашего религіознаго вѣрованія и нашей увѣренности? Что-же, если бы вниманіе наше обратили на какія либо неточности въ св. Писаніи, которыхъ мы не умѣли бы объяснить, еслибы намъ указали противорѣчія, на которыя мы бы не знали что отвѣчать, если бы намъ представили сомнительными отдѣльныя книги изъ св. Писанія, и мы бы въ нихъ заблуждались,—развѣ изъ-за этого поколебалась-бы наша вѣра, развѣ-бы мы изъ-за этого усумнились въ христіанствѣ? Никогда. Буква писанія не можесть быть основаніемъ нашего вѣрованія. Наша вѣра не есть только вѣра въ одно свящ. Писаніе, но прежде всего въ то дѣло, о которомъ св. Писаніе насъ извѣщаетъ. Дѣло же это, если мы хотимъ его назвать однимъ словомъ, есть Іисусъ Христосъ. Мы вѣруемъ въ Іисуса Христа не ради св. Писанія, мы скорѣе вѣруемъ въ св. Писаніе ради Іисуса Христа. Хотя это тотъ Христосъ, о Которомъ говоритъ оно, а не какой либо другой, но мы вѣруемъ въ него ради Его Самбого. Вѣра эта не только историческая, но религіозная. Есть истинны историческія и истинны религіозныя, или нравственныя: историческія истины приобрѣтають увѣренность только историческимъ путемъ; другія истины—дѣло внутренней увѣренности.

*

То, что Цесарь былъ убитъ Брутомъ, что Наполеонъ I умеръ на островѣ св. Елены,—суть историческія истины. Человѣкъ благоразумный и знающій не сомнѣвается въ этихъ фактахъ. Но что имъ до нашей внутренней жизни? И кто жертвуетъ для нихъ своею жизнью? Это случайные историческіе факты, которые не имѣютъ значенія для нашей внутренней жизни. Мы увѣрены въ нихъ, но это только историческая увѣренность, а не моральное убѣжденіе. Что Иисусъ Христосъ жилъ, что Онъ родился въ правленіе Августа и Ирода, что Онъ умеръ во время управленія Понтія Пилата и т. д.,—все это также историческія истины, въ которыхъ мы убѣждаемся историческимъ путемъ; для нашего же вѣрованія онѣ имѣютъ не только историческое, но и религіозное значеніе. Въ этомъ религіозномъ значеніи и заключается собственно содержаніе нашей вѣры. Исторія Иисуса есть исторія нашего спасенія; факты Его жизни суть истины для нашей внутренней жизни. Они требуютъ внутренней увѣренности; мы въ нихъ убѣждены не только исторически, но и нравственно. Наша совесть доказываетъ намъ, что этотъ Христосъ, Его смерть и воскресеніе есть то, чего мы искали, въ чемъ мы пуждались; и кто руководствуется этимъ свидѣтельствомъ совѣсти своей, въ томъ водворится и истина этой вѣры духомъ истины въ сердцахъ.

Въ этомъ состоитъ религіозное убѣжденіе нашей вѣры.

Какъ достигаемъ мы этого убѣжденія?

Не посредствомъ доказательствъ, но путемъ внутренней опыты.

Мы представляемъ доказательства истинъ христіанства, мы занимаемся апологетическими чтеніями. Какой же результатъ этихъ доказательствъ? Они могутъ опровергнуть и устранить уловки невѣрующихъ, могутъ уничтожить пренія, которыя вѣра встрѣчаетъ на пути своемъ; но они не

могутъ создать внутренняго убѣжденія самой вѣры. Вѣра не есть плодъ доказательствъ. Если бы вѣра была побѣдою надъ разумомъ посредствомъ доказательствъ, то она не имѣла бы нравственнаго значенія и достоинства. Но это дѣло нравственное. Я могу доказать геометрическую теорему такъ, что ее долженъ воспринять другой умъ. Я могу принудить другаго признать теорему Пифагора, если только онъ достаточно обладаетъ разумомъ, чтобы слѣдить за доказательствами. Но кто скажетъ, что это сознание имѣетъ нравственное значеніе для человѣка? Это актъ необходимости разума, а не свободы воли. Есть доказательства чрезъ посредство чувствъ, и доказательства путемъ разума. Но для нравственныхъ истинъ первыя не годятся, а послѣднія не достаточны; потому что въ вѣрѣ говорить не только разумъ, но и совѣсть и сердце. Вѣра есть дѣло всего человѣка, и потому она свершается не только актомъ разума, но посредствомъ всего жизненнаго дѣйствія человѣка. Она—дѣло не доказательства, а внутренняго опыта.

Сколько бы я ни говорилъ слѣпцу, глаза котораго никогда не видѣли свѣта, о красотѣ цвѣтовъ,—для него это будетъ звучать подобно словамъ чуждаго языка, и только открывши глаза онъ будетъ въ состояніи судить о красотахъ свѣта. То же самое и здѣсь: если глаза наши закрылись для міра свѣта и истины Божіей, этого міра вѣры, то намъ не помогутъ никакія доказательства и рѣчи. Я могу дойти до того, что буду жаждать свѣта, чувствовать недостатокъ его; но увижу и пойму его только тогда, когда глаза мои для него откроются. Это жизненное дѣйствіе, посредствомъ котораго я прихожу къ познанію вѣры. Подобно тому, какъ мы знаемъ о существующемъ мірѣ потому только, что въ немъ раждаемся и въ немъ живемъ, мы тогда только можемъ знать и о томъ мірѣ вѣры, когда въ немъ родимся и въ немъ будемъ

жить. И точно такъ же какъ мы непосредственно и твердо увѣрены въ мірѣ, который насъ окружаетъ, мы непосредственно и твердо убѣждаемся и въ мірѣ вѣры, потому что мы испытываемъ этотъ послѣдній, такъ же какъ и первый. Насколько этотъ міръ чувствъ, настолько же и тотъ невидимый міръ касается насъ и пропикаетъ нашу умъ. Такимъ путемъ мы приходимъ къ увѣренности въ вѣрѣ. Но можетъ ли быть увѣренность въ вѣрѣ и въ то же время знаніе въ дѣлахъ вѣры? Не находится ли вѣра и знаніе въ противорѣчій другъ съ другомъ? Такъ предполагаютъ по крайней мѣрѣ. Поговоримъ о вѣрѣ и знаніи.

Насколько я убѣжденъ въ мірѣ видимомъ, настолько же убѣжденъ и въ мірѣ невидимомъ. Если есть міръ безсмертнаго, вѣчнаго блага и истины, и если мы созданы для него, а не только для этого скоропреходящаго міра, то мы должны быть не менѣе чувствительны къ нему, какъ и къ этому послѣднему, мы должны и міръ невидимый точно такъ же ощущать и испытывать внутренно, какъ и видимый. На этомъ основывается увѣренность въ вѣрѣ. Увѣренность въ вѣрѣ есть только особый родъ увѣренности, которая не ниже всякой другой. Она совершается не путемъ убѣжденія чувствъ или демонстраціи разума, но нравственнымъ убѣжденіемъ, т. е. вѣрою. Развѣ мы не увѣрены въ Богѣ? Что Богъ существуетъ, въ этомъ я такъ же увѣренъ, какъ и въ томъ, что самъ существую и что существуютъ тѣ предметы, которые я вижу и чувствую, или какъ дважды два—четыре. Да существованіе его еще вѣришь, потому что все остальное могло бы еще быть обманомъ, Богъ же обманомъ быть не можетъ. Одинъ изъ величайшихъ философовъ, философъ Декартъ сказалъ: существованіе Бога вѣришь, чѣмъ самое неопровержимое геометрическое доказательство, но это увѣренность вѣры. Развѣ эта увѣренность не есть знаніе? Но знаніе вѣры. Я знаю,

что Богъ существуетъ, но знаю это потому, что вѣрую. Я долженъ вѣрить, что Богъ существуетъ, потому что не вижу Его; вѣрую же въ Него потому, что испытываю Его. Насколько я увѣренъ въ томъ, что я вижу, настолько же я увѣренъ въ вѣрѣ своей въ томъ, чего не вижу. Вѣра есть твердая увѣренность, что мы надѣемся и не сомнѣваемся въ томъ, чего не видимъ. Вѣра существуетъ для невидимаго міра. По невидимый міръ не менѣе реальнъ, какъ и видимый, и мы столько же принадлежимъ ему, какъ и чувственному міру, и внутренно такъ же приходимъ въ соприкосновеніе съ нимъ и потому такъ же увѣрены въ немъ, какъ и въ мірѣ видимомъ: только мы должны духовно возвыситься до него. Вѣра придастъ духу нашему крылья и переноситъ его въ тотъ міръ вѣчности, чтобы дать ему тамъ такой же пріютъ, какъ и въ этомъ. Но должно понимать тотъ невидимый міръ съ его собственной сущностью и его законами. Конечно, тотъ, кто захочетъ въ него унести міръ земной и его мѣриломъ измѣрить и судить о мірѣ небесномъ, тотъ никогда не примирится съ этимъ послѣднимъ. Но къ чему жъ бы мы брали этотъ міръ мѣриломъ вѣчнаго? Всякая вещь имѣетъ свои собственные законы и должна измѣряться собственнымъ мѣриломъ. Не достаточно законовъ математики для того, чтобы объяснить міръ нравственной свободы: точно такъ же недостаточно мѣрила этого міра, чтобы понять міръ вѣчности. Его должно измѣрять его собственнымъ мѣриломъ. Когда Дарій, угнетаемый Александромъ Великимъ, просилъ у него мира и предлагалъ ему половину царства, тогда другъ Александра Парменій сказалъ: я примью бы его, еслибъ былъ Александромъ. Я сдѣлалъ бы это, возразилъ Александръ, еслибъ былъ Парменіемъ. Дѣла Александра были выше понятій Парменія. Онъ долженъ былъ возвыситься до величія духа Александра для того, чтобы понимать его дѣла. Здѣсь то же самое. Міръ

вѣчности далеко превышаетъ наши понятія и долженъ измѣряться собственнымъ мѣриломъ. Если же мы возвысимся до этого міра, то поймемъ его. Мы должны покинуть не разумъ свой, не наши мысли и познанія, а только этотъ міръ въ нашихъ мысляхъ, если мы духовно возносимся къ тому. Вѣра сообщаетъ крылья нашему духу.

Или вѣра до такой степени не сходится съ яснымъ мышленіемъ, что Якоби былъ правъ, сказавши о самомъ себѣ, что онъ сердцемъ христіанинъ, а головою язычникъ; тому, что сердце его принимаетъ съ вѣрою, противодѣйствуетъ послѣдовательное мышленіе трезваго разсудка? Тогда вѣрѣ пришлось бы ограничиться только чувствительными людьми и поэтическими натурами и отстранить отъ себя ясные умы и людей разсудка. Что бы это была за вѣра, которая зависѣла бы отъ извѣстной способности природы? Такая вѣра не много стоила бы. И что бы это была за жизнь, которая носила бы въ себѣ такой непримиримый разладъ и имѣла бы потребности сердца, съ которыми бы требованія мыслящей головы были въ противорѣчій? Но это не такъ. Вѣра не есть не-ясное чувство, и религія не есть дѣло только чувствительныхъ людей. Вѣра есть твердая, радостная увѣренность сердца, которое знаетъ, во что вѣруетъ. Вѣра не есть что либо противное знанію, а напротивъ она высочайшее знаніе, которое заслуживаетъ быть постигнутымъ раньше всякаго другаго. Вѣдѣ вѣрующіе и знающіе не составляютъ противниковъ, такъ чтобы одни принадлежали одной, а другіе другой сторонѣ, такъ какъ будто, преуспѣвая въ знаніи, покидаютъ вѣру. Человѣкъ не перестаетъ быть вѣрующимъ, дѣлаясь знающимъ. Развѣ зная Бога мы не должны вѣровать въ Него? Мы знаемъ о Немъ только тогда, когда вѣруемъ въ Него. Что же мы больше знаемъ о милосердіи Божіемъ въ Иисусѣ Христѣ, кромѣ того, что вѣруемъ? Все наше религіозное знаніе зависимо отъ

вѣры и требуетъ вѣры. Вѣра же съ своей стороны требуетъ знанія. Насколько вѣра дѣлается жизнью воли, настолько же она дѣлается мыслью духа; потому что вѣра заключаетъ въ себѣ то и другое, есть фактъ внутренней жизни и увѣренность нашего ума. Такъ она порождаетъ изъ себя жизнь и познаніе, потому что она столько же знаніе, какъ и нравственная сила, но знаніе обрѣтающееся въ мірѣ вѣры.

Задача моя будетъ состоять въ томъ, чтобы изложить въ этихъ чтеніяхъ истины христіанской вѣры для познанія. Истины эти составляютъ святыню для христіанина, въ которой возвращаются его мысли. Если мы входимъ въ эту святыню, то входимъ въ нее съ той же боязнью, какъ и въ одинъ изъ тѣхъ могущественныхъ соборовъ, въ которыхъ камни говорятъ намъ о тайнахъ небесныхъ.

Это величественное зданіе божественнаго откровенія благодати покоится на двухъ основныхъ столпахъ. Эти основные столпы называются—грѣхъ человѣка и милосердіе Божіе. Въ слѣдующій разъ мы будемъ говорить о грѣхѣ.

(Продолженіе будетъ).

